

УДК 94 (570)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-312-327

О «капитале» и «капитализме» в работах советских историков об истории Урала и Сибири XVII века, опубликованных в 1960-е годы

И. Р. Соколовский

*Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Методология истории определяет, что авторы будут писать в своих исследованиях. Она является предметом социальной философии. Однако, проанализировав ведущие работы данного периода по истории Урала и Сибири XVII в., мы пришли к выводу, что историки не занимались механическим иллюстрированием выводов социальной философии на историческом материале. В конце XIX в. В. И. Ленин с опорой на К. Маркса нарисовал схему «нового периода русской истории». В 1930-е гг. эта схема стала обязательной для отечественных историков. Однако очень быстро выяснилось, что не все ее элементы можно было обнаружить в сибирской истории XVII в. Причины могут быть связаны с отсутствием у купечества достаточной автономии, большим налоговым гнетом, возможностями извлекать выгоды из социального статуса, военными действиями. Сохраняя полную лояльность официальному тезису, в своих конкретных исследованиях ученые сибиреведы оказались большими эмпириками и предпочитали указывать на исторические факты, даже если факты противоречили официальной концепции. Кроме того, в 1960-е гг. происходит изменение ключевых формулировок схемы, в сторону признания большой сложности и вариативности исторического процесса.

Ключевые слова

историография, рынок, капитализм, идеология, Сибирь, XVII в., историки, сибиреведение

© И. Р. Соколовский, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

Для цитирования

Соколовский И. Р. О «капитале» и «капитализме» в работах советских историков об истории Урала и Сибири XVII века, опубликованных в 1960-е годы // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 312–327. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-312-327

About “Capital” and “Capitalism” in the Works of Soviet Historians on the History of the Urals and Siberia of the 17th Century, Published in the 1960s

I. R. Sokolovsky

*Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The methodology of history determines what the authors will write in their books. The methodology of history is a subject of social philosophy. However, after analyzing the leading works printed before 1955 on the history of the Urals and Siberia of the 17th century we came to the conclusion that historians did not mechanically illustrate the conclusions of social philosophy. At the end of the 19th century V. I. Lenin, relying on Karl Marx, drew a conception of the «new period of Russian history». In the 1930s this scheme has become mandatory for all Russian historians. However, it quickly became clear that not all of its elements could be found in the Siberian history of the 17th century. The reasons may be related to the lack of sufficient autonomy for the merchants, great tax oppression, opportunities to benefit from social status, and military operations.

Retaining full loyalty to the official position, in their concrete studies, researchers of Siberian studies turned out to be great empiricists and preferred to point out historical facts even if the facts contradicted official schemes. In addition, in the 1960s there was a change in the key formulations of the scheme, towards recognizing greater complexity and variability of the historical process.

Keywords

historiography, market, capitalism, ideology, Siberia, 17th century, historians, Siberian studies

For citation

Sokolovsky I. R. About “Capital” and “Capitalism” in the Works of Soviet Historians on the History of the Urals and Siberia of the 17th Century, Published in the 1960s. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 312–327. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-312-327

Ранняя советская историография истории Сибири и труды, написанные в 1960-е гг., нашли в свое время историографическое освещение как минимум в двух работах отечественных историков – Н. А. Миненко [Горюшкин, Миненко, 1984] и О. Н. Вилкова [1990]. Однако эти работы уже в значительной степени устарели.

В 1960-е гг. А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов отмечают, что «работы В. И. Ленина (...) являются основополагающими при изучении формирования всероссийского рынка» [1960, С. 387]. Большую роль играла цитата из работы В. И. Ленина «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» [1958а]. В книге «Развитие капитализма в России» есть важное уточнение того, как В. И. Ленин понимал рынок. Это не просто обмен товаров и услуг, а элемент формирующегося нового порядка (см.: [1958б. С. 21–22]). Для удобства читателя мы можем также представить основные звенья этой схемы в виде формулы

$$а - б - (г - д - е - ж) - в,$$

где

а – политическое единство страны;

б – усиленный торговый обмен между областями;

в – превращение его в товарный обмен;

г – появление купцов-капиталистов;

д – домашнее ремесло и мелкие ремесленники в рамках феодального строя;

е – рост общественного разделения труда;

ж – возникновение рассеянной мануфактуры или мануфактурного производства, основанного на свободном труде, и сельского хозяйства, основанного на капиталистических формах производства.

Такая позиция вполне согласуется с точкой зрения К. Маркса, у которого во втором томе «Капитала» мы можем обнаружить соответствующие замечания (см.: [Маркс, 1969. Ч. 2. С. 370–371]).

Если мы обратимся к анализу отечественной историографии Урала и Сибири, которая в 1960-е гг. серьезно прирастала как качественно, так и количественно, то мы обнаружим там, что применение этой схемы

к историческому материалу столкнулось с определенными трудностями. Многие ее ключевые элементы не прослеживались в историческом материале, и историки часто делали выбор в пользу материала. Ближе к концу нашей работы мы выскажем предположение, почему так получилось.

Важную роль в изучении торговли феодального периода сыграла монография А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова, посвященная истории торговли Великого Устюга, который был важным пунктом в рамках Северодвинского речного пути. А. Ц. Мерзон со ссылкой на В. И. Ленина отмечает, что «возникновение общенационального рынка, как непосредственное следствие достигнутого уровня развития всего народного хозяйства, стало определенным рубежом в истории нашей страны. (...) Следовательно, в экономическом развитии страны, несмотря на господство феодально-крепостнических отношений, происходили заметные сдвиги. В результате общего роста производительных сил в сельском хозяйстве и промышленности (в ремесле (д), а впоследствии и в мануфактурах (ж), появляющихся в ряде отраслей), углубления общественного разделения труда (е) более широкое распространение получает товарное производство, обслуживавшее феодальное общество. На этой основе значительно окрепли по сравнению с XVI в. и приобрели всероссийский масштаб торговые связи (б), организаторами которых выступали представители купеческого капитала (г). Усиливается также процесс втягивания России в систему мирового рынка. Намного возрастает ее внешнеторговый оборот, в том числе сношения с передовыми в то время странами Западной Европы, где шло утверждение капитализма (Англия, Голландия и др.)» [Мерзон, Тихонов, 1960. С. 9]. С последним, конечно, спорить не приходится. Авторы показывают свое глубокое понимание общей схемы: «рынок появляется там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство». Развитие товарного хозяйства приводит к созданию самостоятельных отраслей промышленности, работающих на рынок и обменивающих свои изделия (е, ж) [Мерзон, Тихонов, 1960. С. 9] ¹.

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

Однако эти авторы уже не столь оптимистичны, как авторы «Истории СССР» пять лет ранее. И даже в подстрочном примечании они спорят с Л. М. Мордуховичем (работа 1957 г.): «...в историко-экономической литературе недавно высказано иное мнение, с которым согласиться нельзя. Один из авторов полагает, что в XVII в. возникают буржуазные производственные отношения, на основе которых образуется “всероссийский рынок”» (с. 9).

В конце рассматриваемой монографии сделан вывод, что «в XVII в. капиталистическое производство в России еще только зарождалось, поэтому процесс складывания всероссийского рынка находился в начальной стадии развития» (с. 377), что «зародышевая форма капиталистических отношений была опутана феодальными отношениями» (с. 661). Поэтому, например, «обычно разбогатевшие ремесленники порывали с производством и переходили к торговой деятельности; покупка изделий у мастеров и продажа им сырья являлись основными формами ограбления производителей материальных благ. Овладение со стороны торгового капитала производством (**ж**) в изучаемое время *не имело места*², так как отделение разорявшихся ремесленников от средств производства *только начиналось*» (с. 492). Классическая схема организации скупщиком «рассеянной мануфактуры» не находила подтверждения на их историческом материале, зафиксирован даже переход ремесленников в торговлю.

Авторы отмечают роль казенных денег, например подрядов, особенно монополий. «Однако их собственных средств еще не всегда хватало, этим объясняется тот факт, что главной отраслью приложения торгового капитала было винокурение, где имелась возможность авансирования подряда казной» (с. 493).

Основным индикатором развития капитализма и формирования новых производственных отношений был бы рост городов, а в городах, рост специализации ремесла (**е**), однако мы можем прочесть следующее: «...усиливается, *хотя и в небольшой мере*, специализация ремесленников по изготовлению отдельных видов продукции или выполнению отдельных

² Здесь и далее курсив мой. – И. С.

производственных процессов. Поднималось значение торгового капитала как посредника между непосредственными производителями и рынком» (с. 656). Отмечается, что накопление капитала не приводило к овладению им производством. Общим тезисом, характерным для разных авторов, становится признание «развития» и «укрепления феодализма». Например, что «*сложность* изучения генезиса капитализма в России заключается в том, что *одновременно с возникновением и развитием новой, прогрессивной* в тех условиях формы производственных отношений, в стране происходило *усиление крепостничества*» (с. 379).

Торговля могла иметь большой размах (б). Например, «представители наиболее состоятельных слоев местного купечества, которые нажили свои капиталы главным образом на эксплуатации пушных богатств Сибири, нагружали обозы товарами, закупленными в основном за пределами Устюга. Скупку русских товаров они производили преимущественно на рынке Ярославля, отчасти на Благовещенской и Туглимской ярмарках, в Важском уезде, и в некоторых других местах» (с. 306). Но это не приводило к тем изменениям, которые предписывалось увидеть как результат первоначального накопления капитала.

В шестидесятые годы тезис об одновременном развитии «буржуазных элементов» и усилении феодальных отношений становится все более и более распространенным. В своей теоретической статье А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов прямо пишут, что «проблема складывания всероссийского рынка выдвинута и разработана В. И. Лениным» и «актуальность ее состоит в том, что она дает ключ к пониманию целой эпохи в истории нашей Родины», поскольку «в трудах В. И. Ленина намечены основные пути изучения проблемы складывания всероссийского рынка», «следуя ленинским указаниям, советские историки достигли серьезных успехов». Однако, ставя перед собой цель «подвести некоторые итоги изучения новых явлений и процессов, начинавших пробивать себе дорогу в экономике феодальной России XVII века», «авторы *отнюдь не* собираются провозглашать эру капитализма в XVII в., они сознают, что начальный этап складывания всероссийского рынка протекал в условиях *полного господства*

феодальной формации, в условиях усиления крепостнических отношений во всей социально-экономической и общественной жизни страны» [Преображенский, Тихонов 1961].

Более того, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов определяют «буржуазные связи» не как «капиталистические отношения», а только как их «зародыши». С XVII в. начинается создание «буржуазных связей», в которых, с нашей точки зрения, следует видеть зародыши новых, капиталистических отношений не только в сфере обращения, но и в сфере производства [Там же].

Авторы отмечают, что не всякое богатство превращалось в капитал: «анализируя хозяйство Н. И. Романова первой половины XVII в., Е. И. Заозерская отмечает, что в отличие от некоторых крупных хозяйств второй половины столетия вотчина *была очень слабо* связана с рынком, огромные деньги боярина лежали мертвым капиталом» [Там же]. Выражение «мертвый капитал» в контексте работы, доказывающей наличие элементов капитализма в XVII в. в московском царстве, нельзя воспринимать иначе, как иронически. Как и то, что речь идет о феодальном хозяйстве, а не о капиталистах-купцах.

Про купцов говорится: «Основываясь на устюжских и сольвычегодских таможенных записях, можно сделать обобщающий вывод о наличии в первую очередь в Москве, а также в ряде других торговых центров страны значительного круга крупных купцов, которые ежегодно производили скупку пушного товара на рынках Поморья. В то же время имелось немало лиц, вкладывавших свои капиталы в рыночные сделки указанного типа только в отдельные годы». Другими словами, расширение торговых связей (б) было не таким уж и бурным.

Надо отметить, что, согласно данным А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова, «крупные торговые люди были преобладающей, но не единственной категорией покупателей сибирских мехов» (с. 285). Это говорит о том, что схема с купцами-капиталистами не работала даже в самых ярких моментах усиления торговых связей.

А. А. Введенский в своей монографии отмечал, что «исследование истории Строгановых есть в то же время изучение складывания всероссийского рынка и генезиса капитализма в России». Далее он пишет о XVII в. тоже как об «истоках» и «зародышах» русского капитализма, а не как о его уже сформировавшемся существовании: «С такой точки зрения изучение прошлого купеческого дома Строгановых представляет большой интерес. На примере его, вероятно, можно подойти к выяснению ряда вопросов, касающихся раскрытия “тайн” образования и укрепления русского капитализма в его далеких, зародышевых истоках XVII в. Светская, и в частности купеческая, вотчина не привлекала достаточного внимания историков, а между тем знание истории купеческой вотчины поможет, как нам кажется, понять “русский вариант” генезиса капитализма» [1962. С. 228].

А. А. Введенский пишет, что «из всех московских гостей, имевших в Вологде лавки, можно отметить только коммерсантов Юдиных как преимущественно розничных торговцев, специализировавшихся именно на мелкой торговле разнообразным товаром, имевших по городам ряд лавок, а в самой Москве, как указано выше, свыше 30 каменных лавок ~ магазинов», как об исключении, ибо правилом было «отсутствие же вообще у гостей специализации в торговле, неумение сосредоточиваться на оптовом сбыте одного рода товара», что «характеризует в сущности еще младенческое состояние русского торгового капитала, который не так давно начал складываться» (с. 257). И эта оценка противоречит утверждениям про успешное овладение капиталистами-купцами (г) быстро растущими рыночными связями.

На основе своих наблюдений автор отмечает, что «рост денежного капитала был медленным (ср. с б), страна жила *по преимуществу* самообслуживающимися мелкими крестьянскими хозяйствами (д), которые были единственно прочным фундаментом всей экономики того времени» (с. 36). Хотя он должен был бы констатировать слом (хотя бы частичный) этих отношений.

Таким образом, даже несколько приводимых здесь замечаний показывают, что автор отмечал несколько моментов: признаки весьма умеренного

роста межобластного обмена (б), отсутствие серьезных подвижек в области разделения труда (е).

В работе В. А. Александрова речь идет о соляном промысле Восточной Сибири, который должен был быть той самой точкой роста капиталистических отношений, наличие которых предполагал В. И. Ленин, но, увы, «необходимость крупных капиталовложений оказалась *все же* непосильной для первых солеваров и вскоре они “одолжали великими долгами” и попали “на правож”» [1964. С. 249]. Схожая ситуация отмечалась им и в отношении других населенных пунктов Сибири. В. А. Александров писал о Красноярске: «...борьба с киргизскими князьями, тянувшаяся десятилетиями, удаленность от основных торговых путей (б), слабость местных промыслов (д) – все это приводило к тому, что Красноярск оставался крепостью “на краю” сибирской земли, чуждой интересам купеческого капитала (г)» (с. 277). И это было нормальным объяснением отсутствия такого признака развития рыночных отношений в отдельно взятом уезде, выразившихся в росте города.

Отдельного разбора заслуживает монография О. Н. Вилкова о торговле XVII в. Вилков цитирует текст про «новый период русской истории (примерно с XVII в.)», делая выводы, что «характерной особенностью этого периода, отличающей его от предшествующего времени, было возникновение в недрах феодального общества новых, буржуазных связей». Отмечает он и то, что «на этой основе упрочились и приняли всероссийский масштаб торговые связи (б), организаторами которых выступали представители купеческого капитала (г)». Правда, тут же он делает оговорку, что «капиталистическое производство в России в XVII в. только еще зарождалось» [1967. С. 5]. В связи с этим О. Н. Вилков перечисляет целый ряд явлений, которые трудно отнести к «элементам капитализма» (к которым, как мы показали выше, относится резкое увеличение мелкого товарного производства, переход ремесла от работы на заказ к работе на рынок, появление мануфактур с применением наемного труда; начало складывания рынка рабочей силы; увеличение скупщических операций на посаде и в деревне; образование в результате неэквивалентного обмена крупных купеческих капиталов,

переливание накопленных во внутренней и внешней торговле средств в промышленное производство): господствующую, развивающуюся вширь и вглубь феодально-крепостническую систему с ее монополией феодального земледелия, помещичье землевладение, юридическое оформление в 1649 г. крепостного права, распространение феодализма в новых районах, рост налогового обложения трудящихся, обремененность посадского населения разными государевыми службами и др. (с. 6). Его выводы совпадают с точкой зрения, получившей уже достаточное распространение: «противоречивый характер социально-экономического развития Русского государства XVII в. был обусловлен тем, что наряду с возникновением новых капиталистических отношений происходил процесс развития феодализма вширь и вглубь» [Русское государство..., 1961].

Не имея возможности разобрать все эти моменты, присутствующие в монографии О. Н. Вилкова, остановимся лишь на некоторых. Обсуждая работу В. А. Александрова о китайском торге, он констатирует: «В 1690 г. вернулись из Китая с товарами 9 агентов гостей и Гостиной сотни и 27 непривилегированных торговых, промышленных и служилых людей, в 1692 – соответственно – 23 и 41, в 1693 г. – 1 и 60 чел., а затем вторично в этом же году – 26 и 51 чел.». Из этого автор делает заключение: «По-видимому, правильнее будет говорить не о численном преобладании представителей крупного купеческого капитала в русских внешнеторговых операциях на китайском рынке, а о преобладании их по масштабам торговых операций, в частности, по стоимости ввозимых в Сибирь отдельных партий китайских товаров. Но и здесь с ними к концу XVII в. стали серьезнее конкурировать непривилегированные люди, что признает и сам автор» (с. 16). Когда О. Н. Вилков, например, делает вывод, что «относительно небольшой удельный вес привилегированного купечества в скупке пушнины на тобольском рынке (6,6–28,0 % покупателей, 4,0–32,9 % партий пушнины, 7,4–48,2 % стоимости пушнины) объясняется, по-видимому, тем, что оно, располагая значительными торговыми капиталами, предпочитало основную массу пушнины приобретать не в Тобольске, а на других рынках России» (с. 246), то получается, что благами расширения торговых связей (б) вос-

пользовались не только крупные купцы (г) и, может быть, даже не столько крупные купцы, а другие категории населения.

Издание многотомной истории Сибири фактически завершает данный этап исследования истории «феодальной» Сибири. Второй том открывался теми же теоретическими положениями, что и все остальные, рассмотренные нами работы. Авторы тома отмечали относительно исследуемых процессов, что «сложность и их внутренняя противоречивость заключались в том, что если расширение границ государства и объектов феодального грабежа осуществлялось в интересах господствующего феодального класса России, то колонизационные движения отражали попытки широких народных масс вырваться из-под ига феодального гнета (ж)» [История Сибири, 1968. С. 6]. Перечисляются те же признаки новых отношений: быстрое развитие мелкого товарного производства, появление мануфактур, развитие рыночных связей и начало формирования всероссийского рынка. Однако, когда речь заходит о фактической стороне дела, в тексте возникает множество оговорок, которые распространяются не только на период XVII в., но и на весь период вплоть до середины XIX в. как минимум (с. 382, 508, 285, 405). Авторы пишут, что «это обстоятельство, свидетельствующее об *отставании* промышленного развития Сибири, частично находит объяснение в сравнительно слабом накоплении капиталов в самой Сибири» (с. 508), т. е. опять не работает один из ключевых элементов схемы: купцы-капиталисты не стремятся вложить капиталы в производство

В произведениях, появившихся уже на излете 60-х гг., все еще отмечается то положение, что политическое единство давало людям XVII в. возможности для быстрого обогащения: «что еще изумляло: требовался сравнительно небольшой вклад капиталов в промысел и торговлю, чтобы получить такую прибыль, совершенно немыслимую во времена Данилы Наумова» [Белов, 1969. С. 73]. Но возникает вопрос, почему же возникали те противоречия, которые нашли свое отражение в процитированных выше работах?

Выдвинем предположение, что за рамками рассмотрения в схеме В. И. Ленина и К. Маркса остался момент автономности купеческого капи-

тала. В Московском же государстве, даже в дни мира фискальное давление на частный капитал было огромным. Положение еще более усугублялось в дни войн: «особого внимания заслуживает финансовая помощь Строгановых правительству в тяжелое для страны время 1608–1612 гг.», – пишет А. А. Введенский. – «Отнюдь не чуждые спекуляций и наживы на народном бедствии, они энергично поддерживали старый, феодально-крепостнический режим и его главу – царя В. И. Шуйского – своими капиталами, *вынимая часто деньги из текущего оборота*» [1962. С. 130]. Таким образом политическое единство страны (а) не обязательно сопровождалось внутри- и внешнеполитической стабильностью.

Во многом незавидное положение купечества было результатом действий по управлению страной. Это приводило к усилению фискального гнета. Например, правительство ставило свои фискальные интересы выше, чем интересы крупного капитала, что дало повод для следующего замечания: «В. А. Александров и Е. В. Чистякова правы в оценке таможенных статей 1693 г., когда говорят, что “фактически казна, заметив упадок ясачных доходов Сибири, постаралась восполнить его за счет купеческого капитала”» [Копылов, 1961. С. 366].

А. А. Введенский пишет, что «характерной чертой эпохи так называемого первоначального накопления капитала наряду с его хищническими приемами являлась постоянная и острая нуждаемость больших и маленьких дельцов-торговцев в оборотных средствах» [1962. С. 284]. Это заставляло их обращаться к казне, как к источнику искомых средств. Кроме того, конкурентами купцов и ремесленников оказывались лица, которые могли конвертировать в торговые операции свой социальный статус и близость к структурам феодальной власти, не образуя параллельную ей капиталистическую структуру.

В конце XIX в. В. И. Ленин с опорой на «Капитал» К. Маркса нарисовал схему «нового периода русской истории», когда политическое единство страны приводило к усилению межобластных связей, накоплению капитала купцами, которые вкладывали его в производство, разоряя мелкое ремесло или увеличивая его концентрацию, что приводило к созданию ма-

нуфактур, вызывавших рост городов, специализацию и капиталистическое развитие сельского хозяйства. В 1930-е гг. эта схема стала обязательной для отечественных историков.

В 1960-е гг. происходит определенный перелом, когда историография начинает еще сильнее писать об одновременном с «буржуазными связями» росте феодальных отношений. А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов, констатируя большой размах торговли, отмечают, что это не приводило к овладению капиталом производством. В статье Ю. А. Тихонова и А. А. Преображенского отмечается слабое развитие торговых связей, момент, что даже крупные феодальные хозяйства не могли обратить имеющиеся у них средства в торговый капитал. Работа О. Н. Вилкова целиком посвящена сибирской торговле, но и он, например, указав на развитие феодализма, вынужден констатировать, что кроме крупных купцов на рынке были представлены и другие игроки, наличие которых не предусматривалось ленинской схемой. Все вышеуказанные моменты так или иначе присутствуют и на страницах «Истории Сибири».

Причины, по которым развитие межобластных связей не приводило к овладению купеческим капиталом производством и развитием мануфактурного производства в XVII в., а также формированию рынка свободного труда, могут быть связаны с отсутствием у купечества достаточной автономии, большим налоговым гнетом, возможностями извлекать выгоды из социального статуса, военными действиями.

Учитывая все вышеизложенное, О. Н. Вилков писал, что «несмотря на все это, толща господствующих феодально-крепостнических отношений пробиравалась ростками новых, капиталистических отношений» [1967. С. 7].

Таким образом, картина «элементов буржуазных (капиталистических) связей», созданная в теоретических трудах В. И. Ленина в конце XIX в., который опирался на работы К. Маркса, делавшего свои выводы на анализе западно-европейского исторического материала, не могла найти своего полного подтверждения в эмпирическом материале по истории Сибири XVII в. Конечно, затронутые нами сюжеты не были достаточно четко освещены на страницах исследовательских работ, но все же следует признать: отечественные историки были весьма осторожны и предпочитали придер-

живаться фактов. Сохраняя полную лояльность официальному тезису, в своих конкретных исследованиях они сопровождали этот тезис определенными уточнениями, которые более точно отражали реальное положение дел в развитии торговли и ремесла на Урале и в Сибири XVII в., чем господствовавшие в тот период концептуальные подходы.

Список литературы / References

- Александров В. А.** Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
- Aleksandrov V. A.** Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Eniseiskii krai) [The Russian population of Siberia in the 17th and early 18th centuries (Yenisei Region)]. Moscow, Nauka, 1964. (in Russ.)
- Белов М. И.** Мангазея. Л.: Гидрометеиздат, 1969. 128 с.
- Belov M. I.** Mangazeya [Mangazeya]. Leningrad, Gidrometeizdat, 1969. (in Russ.)
- Введенский А. А.** Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.
- Vvedensky A. A.** Dom Stroganovyh v XVI–XVII vv. [House of the Stroganovs in the 16–17th centuries]. Moscow, 1962. (in Russ.)
- Вилков О. Н.** Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967.
- Vilkov O.** Remeslo i trgovlya Zapadnoi Sibiri v XVII v. [Craft and trade in Western Siberia in the 17th century]. Moscow, Nauka, 1967. (in Russ.)
- Вилков О. Н.** Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990.
- Vilkov O.** Ocherki sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri v kontse XVI – nachale XVIII v. [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th – early 18th century]. Novosibirsk, Nauka, 1990. (in Russ.)
- Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.** Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
- Goryushkin L. M., Minenko N. A.** Istoriografiya Sibiri dooktjabr'skogo perioda (konec XVI – nachalo XX v.). [Historiography of Siberia before the

October Period (end of the 16th – early 20th centuries)]. Novosibirsk, 1984. (in Russ.)

История Сибири. Л.: Наука. 1968. Т. 2.

Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Leningrad, Nauka, 1968, vol. 2. (in Russ.)

Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 330–370.

Kopylov A. N. Tamozhennaya politika v Sibiri v XVII v. [Customs policy in Siberia in the XVII century]. In: Russkoe gosudarstvo v XVII v. Noveye yavleniya v social'no-ekonomicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi zhizni [Russian state in the 17th century. New phenomena in the socio-economic, political and cultural life]. Moscow, 1961, p. 330–370. (in Russ.)

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1958а. Т. 1. 663 с.

Lenin V. I. Chto takoe «druz'ya naroda» i kak oni voyuyut protiv social-demokratov? (Otvét na stat'i «Russkogo bogatstva» protiv marksistov) [What are the «friends of the people» and how are they fighting against the Social Democrats? (Response to the articles of «Russian wealth» against the Marxists)]. In: Lenin V. I. Sochinenia [Works]. Moscow, Politizdat, 1958, vol. 1. (in Russ.)

Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1958б. Т. 3. 792 с.

Lenin V. I. Razvitie kapitalizma v Rossii [The development of capitalism in Russia]. In: Lenin V. I. Sochinenia [Works]. Moscow, Politizdat, 1958, vol. 3. (in Russ.)

Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 46, ч. 2. 619 с.

Marx K. Kritika politicheskoi ekonomii [Criticism of political economy]. In: Marx K., Engels F. Sochinenia [Works]. Moscow, Politizdat, 1969, vol. 46, pt. 2. (in Russ.)

Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 715 с.

Merzov A. Ts., Tikhonov Yu. A. Rynok Ustjuga Velikogo v period skladyvaniya vserossijskogo rynka (XVII v.). [Market of Velykii Ustyug during the period of the formation of the All-Russian market (17th century)]. Moscow, Publ. House of the USSR Academy of Sciences. 1960, 715 p. (in Russ.)

Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.) // Вопросы истории. 1961. № 4. С. 80–109.

Preobrazhensky A. A., Tikhonov Yu. A. Itogi izuchenina nachal'nogo etapa skladyvaniya vserossiiskogo rynka (XVII v.) [Results of the study of the initial stage of the folding of the All-Russian market (17th century)]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1961, no. 4, p. 80–109. (in Russ.)

Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. Предисловие. М., 1961.

Russkoe gosudarstvo v XVII v. Novye yavleniya v sotsialno-ekonomicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi zhizni. Predislovie [Russian State in the XVII century. New phenomena in the socio-economic, political and cultural life. Preface]. Moscow, 1961. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

17.05.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Соколовский Иван Ростиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Ivan R. Sokolovskii, Candidate of Science (History), Researcher, Institute of History SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation) sokolowski@yandex.ru